Робинзон Кузо

и квадратный дождь

Часть 2

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и квадратный дождь. Часть 2

«Автор»
2026

Шешуков А.

Робинзон Кузо и квадратный дождь. Часть 2 / А. Шешуков — «Автор», 2026

Кузо и его друзья всё ещё в Кубоземье — мире квадратного солнца, дождя и деревьев. Они собрали «Сполох» заново, но впереди новая загадка: на самом краю мира Вега находит послание своего пропавшего учителя, профессора Сепия. Чтобы узнать, что с ним случилось, друзьям предстоит исследовать удивительный мир и научиться создавать то, чего прежде здесь не было.

© Шешуков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Строчка, которая была мокрой 6
Глава 2. Воздух в стеклянном стакане 9
Глава 3. Три сердца невпопад 11
Глава 4. Песню нельзя скрафтить, но можно увидеть 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и
квадратный дождь. Часть 2

Робинзон Кузо и квадратный дождь. Часть 2

Глава 1. Строчка, которая была мокрой

Кузо проснулся оттого, что рядом никого не было.

Обычно рядом с ним в норе посапывала Вега. Серебристая кошка в тонкую тёмную полоску, будто её нарисовали карандашом. Она спала, завернувшись в свой плащ цвета грозового неба, и во сне шевелила усами. А сейчас её подстилка была холодная.

Кузо вылез наружу.

Квадратное солнце как раз делало первый шажок над холмами. Здесь всё было квадратное: солнце, облака, деревья, капли дождя. Это был мир Кубоземье, сложенный из кубиков, как игрушечный. Друзья приплыли сюда на своём корабле «Сполохе» одиннадцать дней назад. Корабль, едва коснувшись берега, рассыпался на блоки. И сами они стали квадратными: у Кузо даже рыжий хвост был теперь столбиком из кубиков и стучал по песку, как палка.

Но корабль они собрали. Своими лапами, блок за блоком, за одну ночь. Теперь «Сполох» стоял на берегу тёмным изгибом корпуса. Семь мачт поднимались над ним, золотые и круглые. Когда друзья приплыли, это было единственное круглое во всём этом мире. А парусов не было.

У верстака уже сидела Пуговка, маленькая мышка в синей курточке, и зачёркивала клеточку в блокноте.

— Шестьдесят семь, — сказала она. — До весны.

Весной «Сполох» должен был идти на север, к маме Кузо, вот Пуговка и считала.

— Где Вега?

Пуговка показала карандашом вдоль берега. Туда, где кончался мир.

Кузо понял, где она. Он взял у Брамса тёплый пирог, завернул в лопух и пошёл.

Шёл долго. Мир за последние ночи вырос, и до Края теперь было идти и идти. Край — это место, где кончались песок, трава и вода. Дальше начиналась Белизна: ровное, тихое, сияющее белое. Как чистый лист.

Вега сидела на самом последнем кубике песка, там, где берег, море и Белизна сходились в один угол. Она не обернулась.

— Ты всю ночь тут? — спросил Кузо.

— Всю.

Перед ней, на гладкой стороне кубика, была строчка. Бурые буквы шли задом наперёд, как в зеркале. Её нашли вчера: «Тот, кто делает новое, держит мир. Я проверил». Так писал только один на свете — Профессор Сепий, каракатица-звездочёт. Учитель Веги. Тот, кто нашёл её котёнком в корзинке и всему научил. Три года назад он ушёл в один из миров и не вернулся.

— Смотри, — тихо сказала Вега.

Под старой строчкой была новая. Буквы блестели. Кузо тронул одну когтем, и на когте остался бурый след.

Мокрая. Ещё не высохла.

— Что тут написано?

Вега прочитала. Голос у неё дрогнул на первом же слове.

— «Вега? Если это ты — цветы на дне».

Кузо сел рядом. Протянул пирог. Вега взяла и не стала есть. Просто держала его, тёплый, двумя лапами.

— Он видел меня, — сказала она. — Ночью. Я сидела с факелом, а он видел. Он где-то здесь. Он жив, Кузо.

— Значит, найдём.

— Я пойду сейчас. Сама. На дно.

— Ты не умеешь плавать.

— Научусь.

— Вега.

Она посмотрела на него. Один глаз у неё был голубой, как море в полдень, другой — медовый. Сейчас оба были мокрые.

— Сначала позавтракай, — сказал Кузо. — А потом все вместе. Ладно?

Вега помолчала. Потом откусила пирог. Это значило «ладно».

Когда они вернулись, на берегу их ждал Шкот, морской котик. Он был мокрый и встревоженный, и усы у него торчали в разные стороны.

— Беда! — сказал он. — То есть не беда. То есть беда, но не сразу. То есть посмотрите сами!

Он показал на море.

Далеко-далеко, у самого горизонта, вода была другого цвета. Живая, синяя, с настоящими круглыми волнами. Там было их море, родное. Кубоземье приплыло к нему, как бутылка с письмом, и прибилось к берегу. Добраться туда пока было нельзя: Шкот пробовал. Плывёшь, плывёшь, а море не приближается. Но его хотя бы было видно.

— Вчера оно было вон у той тучки, — сказал Шкот. — А сегодня уже за ней. Оно уплывает. То есть это мы уплываем.

Вега сразу стала прежней. Деловой. Она сняла с пояса стеклянный пузырёк, прищурилась на горизонт, отмерила что-то лапой и стала шевелить губами.

— Кубоземье — бусина, — сказала она. — Миры висят в Белизне, как бусины на нитке. Эта бусина приплыла к нашему берегу, а теперь её тянет обратно. За день мы уходим примерно на ладонь. Дней через девять наше море скроется. Может, через десять.

— А если через десять дней мы будем ещё тут? — спросила Пуговка.

— Останемся тут, — сказала Вега. — Насовсем.

Стало тихо. Только мачты поскрипывали.

Из-за холма, скрипя всеми четырьмя ногами, вышел Дед Верстак. Живой верстак, самый первый в этом мире, с девятью клетками на спине и Большой Книгой Рецептов в ящике. На его спине здесь делали вещи. Положишь в клетки что нужно и как нужно — вспышка, и готово.

Он подошёл к «Сполоху», погладил борт ножкой и посмотрел на голые мачты.

— Паруса, — сказал он. — Без парусов не уплывёте.

— Мы знаем, — ответил Барсур, старый серый кот, капитан. Он всегда говорил коротко. Длинно — только когда очень волновался.

— Повторю, — проскрипел Дед Верстак. — В вашей старой парусине три вещи. Лён. Свет северного сияния. И колыбельная, пять нот. Первые две у вас есть. А третьей нет ни в одной Книге. Колыбельную не скрафтишь. Её можно только спеть.

И все посмотрели на Кузо.

Потому что спеть её мог только он. Он помнил эти пять нот с тех пор, как помнил себя. Откуда — не знал. Знал только, что от мамы. От той, которую никогда не видел, но которая каждую ночь пела где-то далеко на севере.

Вега молча достала из сумки ракушку. Ту самую, из Северного окна. На Бусине Кузо прикладывал её к уху, и там, внутри, далеко-далеко пели эти пять нот. Теперь ракушка была квадратная, как всё вокруг. Вега поднесла её к уху Кузо. Ракушка молчала. Здесь звучало только круглое.

Кузо спрятал лапы в карманы курточки.

— Потом, — сказал он. — Сначала Профессор.

Барсур посмотрел на него долгим взглядом. Но ничего не сказал.

К закату на берег пришла вся деревня. Квадратные человечки, кубари, приходили теперь каждый вечер. Садились рядком на песок и ждали. Потому что в их мире, где все звуки сухие, как «тук», был только один круглый звук, если не считать свистулек. Скрип мачт.

Барсур и Кузо, как всегда, пошли вдоль борта: класть лапу на каждую мачту и считать. Так велел дед Кузо, старый капитан Сивер: «Кто считает — тот не теряет».

— Раз.

— Два.

— Три.

— Четыре.

— Пять.

— Шесть.

— Семь, — сказали все. Даже Кирпичик, самый маленький кубарь.

Седьмая мачта всегда дребезжала. Весело, будто смеялась про себя. А сегодня она скрипнула по-другому. Медленно, низко. Кузо умел слышать в скрипе мачт почти слова, как разговор за стенкой.

— Что она сказала? — шёпотом спросила Пуговка.

Кузо прислушался.

— «Глубже», — сказал он. — Она сказала: «Глубже».

Глава 2. Воздух в стеклянном стакане

Шестьдесят шесть. Пуговка зачеркнула клеточку ещё в темноте. А Шкот нырнул, едва квадратное солнце показало край.

Он вернулся не скоро. Вылез на песок, отфыркался и долго не мог отдышаться.

— Там… — сказал он. — Там внизу… То есть не наверху. То есть на дне. Там сад!

— Какой сад? — Вега схватила его за ласт.

— Цветы! Сотни! Крошечные, из кубиков меньше песчинки! Красные, синие, жёлтые! Кто-то их сажал. Долго. Рядами. И облачка такие бурые в воде висят, будто кто-то пролил чернила. А на камне нарисовано… — Шкот разгладил ластом песок и нарисовал. Квадрат. А рядом рыбу. Только у рыбы было восемь рук.

— Окно, — прошептала Вега. — И он. Это он себя нарисовал.

— Это рыба, — сказал Брамс.

— Это каракатица! Она не рыба! У неё восемь рук и ещё два длинных щупальца, и… — Вега вскочила. — Я иду вниз.

— Ты не умеешь плавать, — снова сказал Кузо.

— Значит, пойду по дну.

— Там нечем дышать.

Вега открыла рот. Закрыла. Кошки вообще не любят воду. А Вега впервые увидела море всего дюжину дней назад.

Пуговка сидела у верстака и думала. Она всегда думала с карандашом во рту. Потом вынула карандаш.

— Брамс, — сказала она, — дай мне ведро с водой и кружку.

Брамс дал. Квадратное ведро, квадратная кружка. Пуговка перевернула кружку вверх дном и медленно опустила в ведро. До самого дна.

— Смотрите внутрь.

Все наклонились. Вода в ведре поднялась, а в кружку не вошла. Внутри кружки осталось сухо. Там был воздух.

— Воздух никуда не делся, — сказала Пуговка. — Ему некуда уйти, вот он и держит воду. Если сделать большую кружку, из стекла, и опустить на дно, внутри можно стоять. И дышать.

— Подводный колокол, — сказала Вега, глядя на ведро так, будто видела его впервые. — Профессор рассказывал. Люди так ныряли за сотни лет до всяких водолазных костюмов.

— Колокол? — переспросил Барсур и покосился на свой корабельный колокол. Тот стоял на песке, квадратный, и молчал. Когда по нему били, он только брякал, как ведро на ступеньках.

— Не такой, — сказала Пуговка. — Стеклянный.

Работа закипела. Уголёк, дух очага, который жил теперь в квадратной каменной печи, плавил песок в стекло и хвастался на весь берег:

— Стекло! Ещё стекло! Чистое, как слеза! Видели вы где-нибудь такое стекло? Грелка Тридцати Чумов не умеет плавить мутно!

Пуговка выкладывала стеклянные блоки куполом. Купол вышел высокий, как раз для двух кошек, с железными гирями по краям, чтобы не всплыл. Кузо и Брамс приладили сверху толстый канат. Барсур проверил каждый узел. Дважды. Потом ещё раз.

— Кто пойдёт? — спросил он.

— Я, — сказала Вега. — Сама.

Кузо ничего не сказал. Он просто встал рядом с колоколом.

Вега посмотрела на него. Помолчала.

— Хорошо, — сказала она. — Вдвоём.

Колокол опускали медленно. Брамс и Барсур держали канат. Шкот плыл рядом и показывал дорогу. Вода сначала была светлая, золотая, потом зелёная, потом синяя. Солнечные лучи падали сверху квадратными столбами. Мимо проплывали рыбы, плоские, угловатые, как вырезанные из цветной бумаги. Вега прижалась носом к стеклу и забыла бояться.

Колокол мягко встал на песок. Внутри было сухо и тихо. Пахло мокрым стеклом. Дышалось.

А вокруг был сад.

Шкот не соврал. Сотни цветов. Каждый не больше кошачьего когтя, и каждый сложен из кубиков таких крошечных, что их было почти не видно. Такие же, как два цветка у Веги в сумке. Синие колокольчики. Красные звёздочки. Жёлтые, как маленькие солнца. Они росли рядами, ровными, аккуратными, будто их сажал кто-то очень терпеливый. Год за годом. Цветок за цветком.

— Он учёный, — прошептала Вега. — Он даже цветы сажает по линейке.

Между рядами висели бурые облачка и таяли в синей воде.

— Чернила, — сказала Вега. — Свежие.

И тут в сумраке, за последним рядом цветов, что-то вспыхнуло.

Сначала белым. Потом по белому побежали полосы, тёмные и светлые, быстро-быстро, как волны по ветру. Потом всё стало золотым. Потом красным. Будто кто-то большой и мягкий подумал сразу о многом и все мысли пробежали у него по коже.

Кузо разглядел два больших глаза. Зрачки у них были странные, волнистые, как буква «W».

Глаза смотрели на Вегу.

Вега не шевелилась. Кузо слышал, как у неё колотится сердце: в тесном колоколе всё слышно.

А потом существо дёрнулось, выпустило бурое облако и исчезло. Как не было.

Вега бросилась к стеклу и ударила по нему обеими лапами.

— Профессор! — закричала она. — Профессор, это я! Это правда я!

Крик ударился о стекло и остался внутри. Снаружи было тихо. Бурое облачко медленно расплывалось над садом.

Рецепт дня: подводный колокол
стекло стекло стекло
стекло # стекло
железо # железо
Опускать медленно. Воздух внутри держит воду.

Глава 3. Три сердца невпопад

Вега сидела на корточках у стекла и не отрывала от него лап.

— Он испугался, — сказала она. — Он меня испугался.

Кузо сел рядом. Внутри колокола, вдоль края, где стекло касалось дна, стояла узкая полоска воды. Будто маленький ров вокруг острова. Пуговка говорила, что так и будет: вода немножко заходит внутрь, но дальше воздух её не пускает.

Минута. Другая.

И вдруг вода в этом рву шевельнулась.

Из неё медленно поднялась голова. Мягкая, переливчатая, с большими глазами и волнистыми зрачками. Вокруг рта шевелились восемь гибких рук, а два длинных щупальца осторожно легли на песок. По коже бежали узоры. Сначала серые, тревожные. Потом, как на картинке, проступил квадрат, а в нём корзинка. В корзинке — маленький серебристый котёнок.

— Вега, — сказала каракатица. Голос был тихий и чуть булькающий, будто говорили через воду. — Я так много раз ждал тебя у Края. Каждый раз это оказывалась тень. Я испугался, что и сейчас так.

Вега не ответила. Она шагнула прямо в ров, в воду, и обняла его. Профессор Сепий обнял её в ответ. Всеми восемью руками сразу. Получилось очень много объятий.

Кузо отвернулся к стеклу. Так полагается, когда двое встречаются после трёх лет. А ещё ему вдруг очень захотелось, чтобы его тоже кто-нибудь так нашёл.

— У него три сердца, — сказала Вега, не отпуская. Голос у неё был мокрый. — Я всегда их слышала, когда он меня обнимал. А сейчас они все стучат невпопад.

— Это от радости, — сказал Профессор. — Учёному так не положено. Но поделать ничего не могу.

Он отстранился, посмотрел на Вегу, потом на её плащ, на пузырьки на поясе, на квадратные очки.

— Фарфор, — сказал он, и на коже у него проступил белый человечек в синюю роспись, фарфоровый смотритель Бусины. — Он берёг тебя?

— Берёг. Даже слишком. Он ночами расставлял всё по местам, чтобы я никуда не ушла. — Вега шмыгнула носом. — Но я всё-таки ушла. На корабле. Это Кузо.

Профессор повернул к Кузо свои волнистые зрачки. Кожа у него на мгновение стала рыжей. Совсем как Кузо.

— Здравствуйте, — сказал Кузо.

— Здравствуй, рыжий. Ты привёз её сюда?

— Мы приплыли все вместе. Корабль рассыпался, мы собрали его заново. А паруса… — Кузо запнулся. — С парусами пока не вышло.

— Знаю, — сказал Профессор. — Я видел с воды. Это была самая интересная ночь за все мои годы здесь.

Он рассказал. Коротко, по-учёному, а когда не хватало слов, на коже у него сами собой проступали картинки.

Три года назад, на Бусине, он нашёл окно в квадратный мир. Шагнул посмотреть. Ненадолго. Но окно гостя ждёт в Белизне всего четыре выдоха. Белизна выдыхает раз в сутки, значит, четыре дня. А он увлёкся. Когда вернулся к берегу, окна уже не было.

— Три года, — сказала Вега.

— Это у меня три года. А здесь время течёт по-своему. Тут прошло гораздо больше. Я не считал. Вернее, сначала считал, а потом стало грустно считать.

Жить на суше он не мог: каракатице нужна вода. Поэтому жил в квадратном море. Смотрел. Записывал. Писал бурыми чернилами, своими собственными: у каракатиц внутри есть

чернила, их пускают облачком, когда страшно. А раньше, давно, из них делали коричневую краску. Её так и называли — сепия.

— Вы делали цветы, — сказал Кузо. — У Края. Это вы.

— Я. Клювом. — Профессор приоткрыл рот, и там правда был маленький твёрдый клюв, как у попугая. — Однажды я заметил: Край ест мир каждую ночь. Кроме тех ночей, когда кто-то делает новое. Я проверил. Сделал цветок — Край не пришёл. Не сделал — пришёл. Сорок раз проверил. Учёный не верит одному разу.

— А почему вы не пришли в деревню? Сказать им?

— На сушу? — Профессор покачал головой, и по коже пробежала грустная серая рябь. — Я бы там и часа не прожил. Я оставлял записки у Края. Для того, кто придёт. Учёный всегда пишет для того, кто придёт.

И добавил медленно, будто выкладывал на стол что-то очень важное:

— А ещё я понял, что это за мир.

Вега и Кузо замерли.

— Это черновик, — сказал Профессор. — Настоящий черновик. Кто-то писал его, как пишут книгу на пробу. А потом оставил.

— А Белизна? — спросила Вега.

— Бумага. Я подплывал к Краю и трогал её щупальцем. Шершавая, как лист. Чистая бумага, на которой ещё ничего не нарисовано. Все миры висят в ней, как рисунки на странице.

— А Край?

— Ластик. Он стирает не как чудовище, а аккуратно, ряд за рядом. Как стирают черновик, когда он больше не нужен. — Профессор помолчал. — А Разбирушки, эти ночные тени, — помощники того, кто писал. В черновике всегда много недоделанного, вот они и разбирают его, чтобы ничего не пропадало. Они не злые. Они просто убирают.

Кузо вспомнил, как тени стояли у края света и слушали мачты. Убирают. Просто убирают.

— Но почему Край не приходит, когда делают новое? — спросил он.

— А ты когда-нибудь видел, чтобы стирали страницу, на которой прямо сейчас пишут? — сказал Профессор. — Никто так не делает. Пока на странице пишут, она нужна.

Сверху дёрнули канат. Раз, другой. Шкот прижался к стеклу снаружи и показывал ластом: наверх, наверх. В колоколе и правда стало душно.

— Воздух кончается, — сказал Профессор. — Поднимайтесь. Завтра я приплыву к берегу, на мелководье. Мне надо увидеть вашего… как его… Верстака.

Вега не хотела отпускать его руки.

— Ты поплывёшь с нами? — спросила она. — Когда будут паруса?

Профессор посмотрел на неё долго-долго. Кожа у него стала мягкой, жемчужной.

— Не обещай мне ничего, Вега, — сказал он. — И я тебе не буду. Давай просто будем рады, что нашлись.

Колокол дрогнул и пошёл вверх. Вега стояла у стекла и смотрела вниз, пока последний цветок не скрылся в синеве.

Глава 4. Песню нельзя скрафтить, но можно увидеть

Шестьдесят пять дней до весны. Родное море на горизонте отодвинулось ещё на ладонь. Шкот отмерил и доложил. Без «то есть». Это значило, что он волнуется всерьёз.

С утра Пуговка строила у берега лагуну. Каракатице нельзя на сушу, значит, суша должна прийти к каракатице. Пуговка выбивала песок рядом с кораблём, ряд за рядом, а Шкот носил из моря воду в квадратных вёдрах. Вода здесь тоже была кубиками. Поставишь кубик воды — и он растекается, заполняет ямку ровно, по краешки. К полудню у самого «Сполоха» блестела мелкая тёплая заводь, а от неё к морю шла протока.

— Готово, — сказала Пуговка. — Профессор может приплыть прямо к нам. Под самый борт.

Скоро в протоке показался Профессор. Высунул из воды голову и восемь рук, оглядел корабль, мачты, толпу на берегу. Кожа у него стала полосатой от любопытства.

Кубари сбились в кучку и смотрели во все глаза. Такого существа они не видели никогда. Маленький Кирпичик спрятался за тётю Хлебницу, но выглядывал.

Скрипя, подошёл Дед Верстак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.